

РАДОМИР ВЕСНИН

СИНДРОМ КЕССЛЕРА: ПАДЕНИЕ

Радомир Веснин

Синдром Кесслера: Падение

«Автор»

2026

Веснин Р.

Синдром Кessler: Падение / Р. Веснин — «Автор», 2026

Экипаж станции «Рассвет-2» оказывается в эпицентре космической катастрофы: уничтожение спутников запускает синдром Кessler — цепную реакцию обломков, стирающую орбитальную инфраструктуру и погружающую Землю в вечную зиму. Алексей, Алиса и Майкл борются за жизнь в ледяной ловушке, а координатор Дэвид Харт делает невозможное, чтобы вернуть их домой. Но спасение — лишь начало пути в мир, где важнее всего память, верность и надежда.

© Веснин Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СИНДРОМ КЕССЛЕРА: ПАДЕНИЕ	5
Пролог	6
Часть I. Начало конца	8
Глава 1. Обычный день на орбите	8
Глава 2. Земля. Утро тревоги	16
Глава 3. Орбита. Первый удар	22
Глава 4. Разгерметизация	29
Глава 5. Каскад	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Радомир Веснин

Синдром Кesslerа: Падение

СИНДРОМ КЕССЛЕРА: ПАДЕНИЕ

© Радомир Веснин, 2026

Экипаж станции «Рассвет-2» оказывается в эпицентре космической катастрофы: уничтожение спутников запускает синдром Кesslerа — цепную реакцию обломков, стирающую орбитальную инфраструктуру и погружающую Землю в вечную зиму. Алексей, Алиса и Майкл борются за жизнь в ледяной ловушке, а координатор Дэвид Харт делает невозможное, чтобы вернуть их домой. Но спасение — лишь начало пути в мир, где важнее всего память, верность и надежда.

Описанные события являются художественным вымыслом. Упоминания реальных технических систем и комплексов носят исключительно художественный характер и не отражают их действительных характеристик или применения.

12+

Пролог

Высота 780 километров над Землей. Международная орбитальная станция «Рассвет-2»

Командир Алексей Соколов парил в невесомости, проверяя показатели системы жизнеобеспечения. За иллюминатором медленно проплывала Земля — голубая, спокойная, словно и не подозревающая о том, что творится внизу. Его напарник, астронавт NASA Майкл О'Брайен, возился с экспериментальной установкой в лабораторном модуле, а бортинженер Алиса Шевченко, украинка с коротко стриженными волосами, заканчивала сеанс связи с ЦУПом.

— Связь стабильна, — доложила она. — Но внизу что-то нервничают. Передают кучу кодированных сообщений.

— Обычная предстартовая суэта, — отозвался Соколов, не отрываясь от планшета. — Готовятся к запуску нового спутника.

О'Брайен хмыкнул:

— Или к чему-то другому. Я слышал, украинцы грозились сбивать российские спутники «Рассвет».

Алиса напряглась, но промолчала. Соколов бросил на неё короткий взгляд.

— Политика нас не касается. Мы здесь ради науки.

Он не успел договорить. Внезапно станция вздрогнула — не от столкновения, а от чего-то далёкого, но мощного. Сработала аварийная сигнализация. На мониторах замигали красные индикаторы.

— Что за чёрт? — О'Брайен оттолкнулся от стены и подлетел к главному пульту.

Алиса уже включила внешние камеры. На экране, в нескольких сотнях километров от станции, расцвёл огненный шар — беззвучный, но ослепительно яркий. Это был спутник «Рассвет-1», один из первых аппаратов орбитальной группировки. Его уничтожили.

— Ракета? — прошептала Алиса. — Они сделали это...

Соколов почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Всем в скафандры? — О'Брайен уже тянулся к аварийному шкафу.

— Рано, — резко ответил командир. — Сначала связь с Землёй. Алиса, дай мне канал.

Но ЦУП молчал. Вместо привычного голоса оператора в эфире стоял треск помех. Затем прорвался искажённый голос Дэвида Кима, наземного координатора:

— «Рассвет-2», срочно! Зафиксирован запуск противоспутниковой ракеты. Повторяю, зафиксирован запуск. Вам необходимо начать манёвр уклонения. Координаты обломков передаю...

Экран заполнился цифрами. Соколов быстро ввёл данные в навигационный компьютер.

— Майкл, к двигателям. Алиса, закрепи оборудование.

Он не успел закончить. Второй взрыв — на этот раз ближе. Станция снова содрогнулась. В иллюминаторе Соколов увидел, как от обломков разлетаются сотни мелких фрагментов, сверкающих в солнечном свете, словно рой смертоносных осколков.

— Это только начало, — пробормотал он.

На Земле, в подземном командном центре, Дэвид Харт с ужасом смотрел на мониторы. Данные телеметрии показывали, что каскад столкновений уже запущен. Первый уничтоженный спутник породил облако обломков, которое через несколько минут столкнётся с другими аппаратами. Синдром Кesslerа[1], о котором десятилетиями предупреждали учёные, становился реальностью.

— Они не понимают, что наделали, — прошептал он.

Но его никто не услышал. В зале царил паника. Генералы кричали, политики требовали связи с Москвой и Вашингтоном. А наверху, на высоте сотен километров, начиналась цепная реакция, которая изменит судьбу человечества.

Харт схватил микрофон

— «Рассвет-2», ответьте! Вы должны продержаться. Мы сделаем всё возможное...

Но он сам не верил в свои слова.

[1] Синдром Кesslerа — описанный американским астрофизиком Дональдом Кesslerом в 1978 году, сценарий цепной реакции на орбите, при котором столкновение/взрыв спутников порождает лавину обломков, которые, в свою очередь, уничтожают другие аппараты. При достижении критической плотности мусора орбитальное пространство становится непригодным для космической деятельности, и человечество оказывается запертым на Земле.

Часть I. Начало конца

Глава 1. Обычный день на орбите

Международная орбитальная станция «Рассвет-2», высота 780 километров. 06:00 по Гринвичу

Алексей Соколов проснулся за три минуты до сигнала. Он лежал в спальном мешке, пристёгнутом к стене каюты, и смотрел в темноту, рассеиваемую лишь тусклым индикатором аварийного освещения. Дыхание было ровным, сердце билось спокойно, но сознание уже работало, прокручивая предстоящий день. Так бывало всегда, когда наступала его очередь командовать экипажем: мозг включался раньше тела, словно отлаженный механизм, не позволяя себе ни секунды лишнего сна.

Будильник на его наручном планшете пискнул — тихая, ненавязчивая трель, похожая на звон старинного колокольчика. Алексей выпростал руку из мешка и коснулся сенсорной панели. Сигнал умолк. В наступившей тишине он услышал, как где-то в соседнем модуле включились вентиляторы системы регенерации воздуха — низкий, убаюкивающий гул, к которому за долгие месяцы привыкаешь, как к собственному сердцебиению.

Он расстегнул молнию и медленно, экономя каждое движение, выплыл из спального мешка. В невесомости тело казалось лёгким, почти невесомым — что, впрочем, и было правдой. Алексей потянулся, разминая мышцы, застоявшиеся за ночь в вынужденной позе. Позвонки мягко хрустнули. Он уже давно привык к этому ощущению — в первые дни после старта оно пугало, казалось, что тело разваливается на части, но со временем стало таким же обыденным, как утренний душ на Земле.

Каюта была крошечной — два кубических метра личного пространства, отгороженные от общего объёма тонкой перегородкой. Здесь помещались только спальник, небольшой шкафчик с личными вещами и пара крючков для одежды. На стене, приклеенная полоской липучки, висела фотография: жена Ольга и дочь Настя на фоне осеннего парка. Алексей задержал взгляд на снимке, потом осторожно коснулся его пальцем.

«Скоро увидимся», — мысленно произнёс он, хотя сам не знал, сколько ещё продлится эта экспедиция. Первоначальный план предполагал шесть месяцев, но уже на третий месяц полёта сроки начали сдвигаться. То задерживали запуск грузового корабля, то меняли программу научных экспериментов. Теперь, судя по слухам, могли продлить миссию ещё на квартал.

Он не жаловался. В космосе он чувствовал себя дома — если вообще можно назвать домом металлическую трубу, летящую в пустоте на головокружительной скорости. Но это был его мир, его стихия, его призвание. Ещё с детства, когда мальчишкой он задира голову к ночному небу над военным городком под Рязанью, Алексей знал, что однажды поднимется туда, к звёздам.

Отец, кадровый офицер ВВС, сначала отнёсся к мечте сына скептически. «Космонавтами не становятся по желанию, — говорил он. — Это судьба, и она выбирает сама». Но Алексей

упорно шёл к цели: окончил лётное училище, служил в истребительной авиации, налетал полторы тысячи часов, прошёл жесточайший отбор в отряд космонавтов. И когда ему исполнилось тридцать пять, судьба наконец улыбнулась.

Первый полёт был коротким — всего две недели на орбите. Второй — полгода на МКС. Третий — уже в качестве командира новой международной станции «Рассвет-2», построенной совместными усилиями России, США, Европы и Китая. Для него это было вершиной карьеры, признанием профессионализма, но Алексей не обольщался: он знал, что за внешним блеском космических программ скрываются годы изнурительной работы, политики и компромиссов.

Он выплыл из каюты в центральный модуль, где царил мягкий белый свет. Станция «Рассвет-2» представляла собой сложное сооружение из нескольких герметичных отсеков, соединённых переходами. Основной модуль, названный «Мир-2» в честь легендарной советской станции, служил жилым и рабочим пространством. От него в разные стороны расходились лабораторные модули «Наука-1» и «Наука-2», технический модуль «Заря-2», американский сегмент «Свобода», европейский «Гармония» и китайский «Тяньхэ-2». Станция была построена с расчётом на длительную эксплуатацию и вмещала до шести человек, но сейчас на борту находились только трое: Алексей, Майкл и Алиса.

Алексей проплыл в санитарный отсек. Здесь было тесно, но всё продумано до мелочей. Вместо душа — влажные салфетки и специальный шампунь, не требующий смывания. Вместо туалета — вакуумное устройство, которое Алексей мысленно называл «космическим унитазом». Он быстро привёл себя в порядок, затем натянул лёгкий комбинезон с эмблемами Роскосмоса, NASA и Европейского космического агентства.

В зеркальной панели отразилось его лицо: сухощавое, с резкими чертами, коротко стриженные тёмно-русые волосы, в которых уже серебрилась седина. Подбородок пересекал тонкий шрам — напоминание о давней аварии на учебном самолёте, когда он чудом остался жив. Тогда ему было двадцать шесть, и он впервые осознал, насколько хрупка человеческая жизнь. Но именно тот случай укрепил его решимость летать: если смерть где-то рядом, то лучше встретить её в небе, чем на земле.

Он поправил воротник и, оттолкнувшись от поручня, поплыл дальше.

— —

В жилом отсеке уже горел свет. Майкл О'Брайен сидел за столом, пристёгнутый ремнями к стулу, и сосредоточенно пил кофе из пластикового пакета с трубочкой. Его рыжеватые волосы были взъерошены, а лицо ещё хранило следы сна. Рядом на столе лежал планшет с расписанием дня.

— Доброе утро, командир, — пробормотал он, не поднимая глаз.

— Доброе, Майкл. Как спалось?

— Как младенцу, которого всю ночь качали в люльке и периодически били по голове.

Алексей усмехнулся и проплыл к своему месту за столом. Он открыл контейнер с едой, достал упаковку сублимированной каши и присоединил её к раздатчику горячей воды. Через минуту завтрак был готов.

— Где Алиса? — спросил он.

— Уже в «Гармонии». Проверяет системы жизнеобеспечения. Сказала, что будет через десять минут.

— Рановато

— Она вообще мало спит. По-моему, её что-то тревожит.

Алексей взглянул на Майкла, но тот уже снова уткнулся в свой кофе. Американец был не слишком разговорчив по утрам, но Алексей давно понял, что за его сарказмом скрывается острый ум и наблюдательность. Майкл замечал детали, которые другие пропускали, и часто делал точные выводы. Вот и сейчас он безошибочно уловил беспокойство бортинженера.

Через несколько минут в проёме появилась Алиса Шевченко. Она плыла легко и быстро, как будто родилась в невесомости. Короткие тёмные волосы были аккуратно причёсаны, лицо свежее, хотя под глазами легли тени.

— Доброе утро, — поздоровалась она, занимая место за столом. — Докладываю: кислород в норме, давление стабильное, углекислый газ в пределах допустимого. В модуле «Заря-2» небольшая вибрация, но пока не критично.

— Что с вибрацией? — спросил Алексей.

— Похоже, ослабло крепление одной из панелей. Нужно будет подтянуть во время выхода в открытый космос. Но это не срочно.

— Понял. Внесём в план на следующую неделю.

Завтрак прошёл в спокойной, деловой атмосфере. Они обсуждали предстоящий день: эксперимент по выращиванию белковых кристаллов в лаборатории «Наука-1», техническое обслуживание системы регенерации воды, тестирование новой навигационной программы, разработанной Майклом. Алексей распределил обязанности: сам он возьмёт на себя эксперимент, Алиса поможет ему, а Майкл займётся навигацией.

— После обеда у нас сеанс связи с ЦУПом, — напомнил Алексей. — Подготовьте отчёты.

— Есть, командир, — отозвалась Алиса.

Майкл только кивнул.

— —

Лаборатория «Наука-1» представляла собой узкий модуль, заставленный стойками с научным оборудованием. Здесь в условиях микрогравитации проводились эксперименты,

невозможные на Земле: выращивание кристаллов белков, исследование поведения жидкостей, изучение влияния невесомости на живые организмы.

Алексей и Алиса закрепились у установки для кристаллизации. Установка представляла собой прозрачную камеру, внутри которой находились миниатюрные контейнеры с растворами белков. В невесомости кристаллы росли медленнее, но гораздо более упорядоченно, чем на Земле, где гравитация искажала их структуру.

— Образец номер три, — произнесла Алиса, вводя команду на контрольной панели. — Раствор лизоцима, концентрация тридцать миллиграмм на миллилитр.

— Температура? — спросил Алексей, глядя на экран.

— Двадцать два градуса Цельсия. Влажность — сорок процентов.

— Отлично. Запускай процесс.

Алиса нажала кнопку, и внутри камеры началось медленное перемешивание раствора. Алексей прильнул к окуляру микроскопа, наблюдая, как в капле жидкости зарождаются первые кристаллические зародыши — крошечные точки, которые постепенно увеличивались, образуя правильные геометрические формы.

— Красиво, — тихо произнёс он.

— Да, — согласилась Алиса. — Никогда не устаю на это смотреть. В невесомости кристаллы растут как живые существа — медленно, но целеустремлённо.

Алексей улыбнулся. Ему нравилось работать с Алисой. Она была не только отличным инженером, но и тонко чувствующим человеком. Несмотря на молодость, она обладала редкой для её возраста мудростью и спокойствием. Возможно, причина была в том, что она выросла в семье военных и с детства привыкла к дисциплине и ответственности.

— Ты сегодня рано встала, — заметил он, не отрываясь от микроскопа.

— Не спалось, — коротко ответила она.

— Что-то беспокоит?

Алиса помолчала, потом сказала:

— Не знаю. Наверное, просто нервы. Внизу слишком беспокойно.

Алексей оторвался от окуляра и посмотрел на неё.

— Ты о политике?

— О чём же ещё. Украина, Россия, спутники, угрозы. Я стараюсь не думать, но когда вижу новости в перерывах между сеансами, тревога возвращается.

— Мы здесь не для того, чтобы решать политические вопросы, — спокойно сказал Алексей. — Наша задача — наука. И пока мы делаем своё дело, мы полезны и тем, кто на Земле.

Алиса слабо улынулась:

— Ты прав. Просто иногда кажется, что всё, что мы делаем здесь, так далеко от того, что творится внизу. Люди воюют, умирают, а мы выращиваем кристаллы.

— Кристаллы — это тоже важно. Из них вырастут лекарства, которые спасут жизни. Может быть, тех самых людей, которые сейчас воюют.

— Ты всегда так оптимистичен.

— Стараюсь. Иначе в космосе сойдёшь с ума.

Они замолчали, сосредоточившись на работе. В камере медленно росли белковые кристаллы, похожие на крошечные драгоценные камни, мерцающие в свете ламп. Где-то далеко внизу, за толщей атмосферы, люди готовились к войне, но здесь, на высоте семисот восьмидесяти километров, царил тишина — глубокая, почти осязаемая.

— —

После обеда Майкл уединился в модуле «Свобода», где располагался его рабочий пост. Он был блестящим специалистом по орбитальной механике, но предпочитал работать в одиночестве, не любя, когда ему мешают. Алексей не возражал: у каждого в экипаже были свои привычки, и до тех пор, пока работа шла споро, он не вмешивался.

Алиса осталась в «Науке-1», чтобы закончить документацию по эксперименту. Алексей же направился в центральный модуль, где нужно было проверить состояние системы регенерации воды. Это была рутинная работа, но требовавшая внимания: малейшая неисправность могла привести к серьёзным проблемам.

Он проплыл по узкому переходу, цепляясь за поручни, и оказался в техническом отсеке. Здесь пахло пластиком и озоном. Вдоль стен тянулись трубы, кабели, вентиляционные короба. Алексей открыл панель управления и начал последовательно проверять показатели датчиков.

Мысли его снова вернулись к Алисе. Она была права: внизу действительно творилось что-то неладное. Ещё вчера, во время вечернего сеанса связи, Дэвид Ким выглядел напряжённым. Он, конечно, старался держаться бодро, но Алексей слишком хорошо знал его, чтобы не заметить тревогу в глазах.

Дэвид Харт был одним из самых опытных координаторов ЦУПа. Молодой, но уже успевший поработать в нескольких международных программах, он отличался редкой для своей должности честностью и прямоотой. Алексей доверял ему больше, чем иным начальникам. И если Дэвид нервничал, значит, на Земле происходило что-то серьёзное.

Но Алексей не позволял себе поддаваться панике. В космосе паника — верный путь к гибели. Здесь важны холодный расчёт, дисциплина и умение полагаться на собственные силы. Этому его учили годы тренировок, этому учила сама жизнь.

Он закончил проверку системы регенерации и собирался уже покинуть отсек, когда по станции разнёсся резкий звуковой сигнал — тревога.

— —

Алексей рванулся к переговорному устройству, но не успел — в динамике уже раздался голос Алисы:

— Командир, датчики зафиксировали неопознанный объект, приближающийся с высокой скоростью!

— Где? — крикнул он, отталкиваясь от стены и устремляясь в центральный модуль.

— Траектория пересекается с нашей орбитой. Дистанция быстро сокращается. Расчётное время сближения — менее двух минут.

Алексей влетел в центральный пост. Алиса уже склонилась над пультом, Майкл подплыл к навигационному компьютеру.

— Что это? — спросил Алексей, занимая командирское место.

— Похоже на обломок, — ответила Алиса. — Небольшой, но движется с огромной скоростью. Если попадёт в нас, пробьёт обшивку.

— Данные! — рявкнул Алексей.

Майкл быстро ввёл координаты в программу. На экране возникла схема: красная точка — объект, зелёная линия — орбита станции.

— Объект пройдёт в опасной близости, — доложил он. — Минимальное расстояние — около восьмисот метров.

— Восьмисот метров? — переспросил Алексей. — Это слишком близко.

— Да, но не критично. Станция в безопасности, если траектория не изменится.

— А если изменится?

— Тогда у нас проблемы.

Алексей приказал:

— Алиса, готовь систему аварийного оповещения. Если объект сместится хотя бы на сто метров в нашу сторону, будем маневрировать.

— Но у нас нет времени на манёвр, — возразил Майкл. — Двигатели не успеют разогреться.

— Тогда будем уклоняться, используя гироскопы. Готовьтесь.

На станции воцарилась тишина, нарушаемая лишь гудением аппаратуры. Все трое замерли, вглядываясь в экраны. Объект приближался, но его траектория оставалась стабильной. Через полторы минуты он пролетел мимо — яркая точка, мелькнувшая в иллюминаторе и исчезнувшая в темноте.

Алексей выдохнул

— Объект миновал станцию, — доложила Алиса дрожащим голосом. — Расстояние — восемьсот сорок метров.

— Все живы, — констатировал Алексей. — Что это было?

Майкл уже анализировал данные.

— Судя по сигнатуре, это был фрагмент какого-то разрушенного спутника. Очень странно.

— Почему странно?

— Потому что в этом районе орбиты не должно быть обломков.

— Нужно доложить в ЦУП.

Алексей включил канал связи с Землёй. Но вместо голоса оператора в эфире слышался лишь треск помех. Он попробовал другой канал — то же самое.

— Связь с ЦУПом нестабильна, — доложил он. — Похоже, внизу что-то глушат.

— Или что-то случилось с ретрансляторами, — мрачно произнёс Майкл.

Алексей сжал поручень. Внутри снова поднялась тревога — уже не за станцию, а за тех, кто остался внизу. Он ещё не знал, что через несколько часов его худшие опасения подтвердятся, но уже чувствовал: этот день запомнится надолго.

— Продолжаем попытки связи, — приказал он. — Алиса, проверь все каналы. Майкл, проанализируй параметры обломка. Нужно понять, что его породило.

— Есть

— Я попробую связаться через спутник-ретранслятор, — добавила Алиса.

Она склонилась над панелью, нажимая кнопки. В динамиках по-прежнему слышались только помехи. Алексей подплыл к иллюминатору и посмотрел вниз, на Землю. Она была прекрасна и безмятежна: белые облака, голубые океаны, зелёные массивы континентов. Но под этой красотой скрывалось нечто тёмное, готовое вырваться наружу.

— Командир, — позвала Алиса. — Мне удалось перехватить обрывок военной радиопередачи. Очень слабый сигнал.

— Что там?

— Кажется, говорят о запуске... какой-то ракеты. И о... спутнике. Но я не уверена.

Алексей повернулся к ней:

— Воспроизведи.

Алиса включила запись. Из динамиков донёлся искажённый голос:

— ...намеренна поразить... цель — «Рассвет-1»...

Алексей похолодел. «Рассвет-1» — это был первый спутник орбитальной группировки, выведенный на орбиту три месяца назад. Тот самый, за которым они наблюдали с борта станции.

— Это наш спутник, — тихо произнёс Майкл. — целятся в наш спутник.

Алексей не ответил. Он продолжал смотреть в иллюминатор, где внизу, среди облаков, разгоралось зарево — отблеск далёкого взрыва, невидимого с такого расстояния, но уже изменившего всё.

— Продолжайте попытки связаться с ЦУПом, — наконец сказал он. — И готовьтесь к худшему.

— —

День, начавшийся так обычно, превращался в кошмар. Экипаж «Рассвет-2» ещё не знал, что стал свидетелем начала цепной реакции, которая приведёт к гибели орбитальной инфраструктуры и навсегда закроет человечеству дорогу в космос. Они знали только одно: внизу началось что-то ужасное, и теперь их собственная жизнь висит на волоске.

Алексей Соколов, всю жизнь стремившийся к звёздам, теперь стоял у иллюминатора и смотрел, как Земля медленно поворачивается, подставляя солнцу свои континенты и океаны. Он чувствовал себя беспомощным, но не позволял страху взять верх. Он был командиром, и его долг — сохранить экипаж.

— Алиса, Майкл, — проговорил он ровным голосом. — Работаем. У нас ещё есть задачи.

Они переглянулись, но никто не возразил. Каждый вернулся к своему пульту, и на станции воцарилась напряжённая, но собранная атмосфера. Впереди их ждало долгое испытание, о масштабах которого они пока не догадывались.

Глава 2. Земля. Утро тревоги

Москва, 06:30 по московскому времени

Дэвид Харт проснулся от вибрации телефона на тумбочке. Он не сразу понял, где находится. Комнату заливал серый утренний свет, просачивавшийся сквозь плотные шторы. За окном шумел город — приглушённо, как будто из другого мира. Несколько секунд он лежал неподвижно, прислушиваясь к этому шуму, и пытался собрать мысли воедино.

Телефон снова завибрировал. Дэвид протянул руку, взял его и взглянул на экран. Сообщение от оперативного дежурного ЦУПа: «Срочно. Ситуация обостряется. Ждём вас к восьми». Он вздохнул и сел на кровати, свесив ноги.

Сон отступил быстро, уступив место привычной тревоге, которая в последние недели стала его постоянным спутником. Дэвид провёл ладонью по лицу, ощущая колючую щетину. Он не брился уже три дня — сначала не было времени, потом просто забывал. Жена бы сказала, что он запустил себя, и была бы права.

Он встал, подошёл к окну и отдернул штору. Внизу, в серой предрассветной мгле, тянулась бесконечная вереница машин. Москва просыпалась, не подозревая о том, что где-то на орбите, в восьмистах километрах над её головой, готовится катастрофа.

Дэвид прошёл в ванную, умылся холодной водой и посмотрел на себя в зеркало. Ему было тридцать шесть, но выглядел он старше: глубокие тени под глазами, морщины на лбу, седина на висках, появившаяся за последний год. Он был высок, худощав, с чёрными волосами и раскосыми глазами — наследство корейского отца. В детстве его дразнили за внешность, но теперь это стало частью его идентичности.

Он почистил зубы, натянул рубашку и брюки, приготовленные с вечера, и вышел в маленькую кухню. Квартира была съёмной, обставленной безлико и стандартно: белые стены, тёмный ламинат, пластиковая мебель. Дэвид редко бывал здесь — всё время проводил в ЦУПе или в командировках. Дом был в Хьюстоне, с женой Элен и двумя дочерьми. Он скучал по ним каждую минуту, но работа держала его в России.

Он включил кофемашину и, пока она готовила эспрессо, открыл ноутбук, чтобы проверить почту. Среди десятков писем выделялось одно от коллеги из NASA с пометкой «Конфиденциально». Дэвид открыл его и пробежал глазами:

«Дэвид, ситуация критическая. Украинцы получили противоспутниковое оружие от наших европейских союзников. Похоже, удар по „Рассвету-1“ будет нанесён в ближайшие 24–48 часов. Официального уведомления не будет. Будь готов. Свяжись со мной по защищённому каналу, как только сможешь».

Он перечитал письмо дважды, затем закрыл ноутбук. Руки слегка дрожали. Он знал, что это не просто слухи — его источник был надёжен, бывший наставник из NASA, работавший в отделе анализа разведанных. Если он писал такое, значит, всё серьёзно.

Дэвид допил кофе, взял телефон и вызвал такси. До ЦУПа ехать минут сорок, если поведёт. По дороге он попытался позвонить жене, но в этот час у неё было три часа ночи по хьюстонскому времени. Он не стал будить её и написал короткое сообщение: «Всё в порядке. Люблю тебя. Обнимаю девочек». Отправил, убрал телефон в карман.

Машина ехала по утренней Москве, мимо серых жилых кварталов, торговых центров, рекламных щитов. Дэвид смотрел в окно, но не видел города. Его мысли были далеко — на орбите, где сейчас мирно спали Алексей Соколов, Алиса Шевченко и Майкл О'Брайен. Они не знали, что их жизнь скоро изменится навсегда.

В 07:50 он вышел из такси у проходной ЦУПа. Охранник, пожилой мужчина с усталыми глазами, проверил его пропуск и кивнул. Дэвид прошёл через турникет, поднялся на лифте на третий этаж. В коридорах было необычно тихо, но в воздухе чувствовалось напряжение. Сотрудники переговаривались вполголоса, лица были сосредоточенными.

В главном зале управления царил полумрак — работали только аварийные светильники. На огромных мониторах отображались телеметрические данные станции «Рассвет-2» и орбитальной группировки «Рассвет». Дэвид подошёл к своему пульта, где уже стоял Сергей Тарасов, начальник ночной смены.

— Хорошо, что ты пришёл, — без предисловий сказал Тарасов. — Мы получили сообщение из министерства. Украинцы официально заявили, что будут сбивать наши спутники. Они уже развернули пусковую установку где-то в Карпатах.

— Я знаю, — ответил Дэвид, присаживаясь в кресло. — Мне написал Бенсон из NASA.

Тарасов нахмурился:

— Значит, информация подтверждается. Плохо.

— Очень плохо.

Они оба замолчали, глядя на экраны. На одном из них отображалась карта Европы с отмеченными точками противоспутниковых комплексов. Их было несколько: одна в западной Украине, две в Польше, одна в Румынии. Все они были нацелены на орбиты российских спутников.

— Когда, по-твоему, они нанесут удар? — спросил Дэвид.

— По нашим данным, в ближайшие часы. Возможно, сегодня вечером. Они ждут окончательного приказа из Киева.

— А что говорит наше руководство?

Тарасов усмехнулся:

— Ничего внятного. Приказано не вмешиваться и ждать. Но мы обязаны предупредить экипаж.

Дэвид кивнул:

— Я передам сообщение по протоколу «Буря». Алексей поймёт.

Он включил канал связи со станцией. На экране появился индикатор вызова, но вместо голоса Алексея в динамиках раздался треск помех.

— Связь нестабильна, — заметил Дэвид. — Похоже, кто-то глушит.

— Да, мы зафиксировали активность радиоэлектронной борьбы в районе орбиты. Возможно, они готовятся к удару.

Дэвид сжал кулаки. Он чувствовал, как внутри нарастает гнев. Эти люди внизу, в кабинетах, играли судьбами тех, кто был наверху, не понимая последствий. Или понимая, но не желая ничего менять.

В 08:30 началось экстренное совещание в конференц-зале. Присутствовали все координаторы смен, начальники отделов, представители военного командования. Гусев, начальник отдела управления полётами, открыл совещание коротким вступительным словом:

— Товарищи, ситуация следующая. Украинская сторона при поддержке западных союзников готовит удар по нашей орбитальной группировке «Рассвет». По данным разведки, первый пуск может состояться сегодня. Наша задача — обеспечить безопасность экипажа станции «Рассвет-2» и минимизировать ущерб.

Кто-то поднял руку:

— А как мы можем защитить спутники?

— У нас нет средств перехвата, — ответил Гусев. — Единственное, что мы можем сделать, — это предупредить экипаж и дать им рекомендации по уклонению. Кроме того, мы готовим ответные меры. Но это уже компетенция военных.

Дэвид не выдержал:

— А вы понимаете, что уничтожение одного спутника может запустить цепную реакцию? Синдром Кесслера никто не отменял. Обломки могут столкнуться с другими аппаратами, и тогда мы потеряем всю орбитальную инфраструктуру.

Гусев посмотрел на него с раздражением:

— Дэвид, я понимаю твою озабоченность. Но решение принято на высшем уровне. Мы не можем остановить украинцев. Мы можем только реагировать.

— Но мы можем хотя бы предупредить мировое сообщество! Если бы люди знали, что им грозит, они бы остановили это безумие!

— Ты говоришь как идеалист, — холодно произнёс Гусев. — Политики не слушают учёных. Они слушают только силу.

Дэвид хотел возразить, но Гусев уже переключился на другого докладчика. Он замолчал, понимая, что спорить бесполезно.

После совещания он вернулся в зал управления. Его коллега, молодой инженер из отдела баллистики, подошёл к нему.

— Ты был прав, — тихо сказал он. — Мы просчитали сценарий. Если они сойдут хотя бы один спутник, обломки разлетятся по всем направлениям. Вероятность столкновения с другими аппаратами — свыше семидесяти процентов.

— И что будет дальше? — спросил Дэвид.

— Каскад. Через несколько недель орбита станет непригодной для полётов. Мы потеряем связь, навигацию, метеорологию. И это только начало.

Дэвид медленно кивнул. Он знал, к чему всё идёт. Оставалось только надеяться, что удар не произойдёт.

Но в 14:00 по московскому времени поступило подтверждение: украинские военные начали подготовку к пуску. По данным разведки, ракета-перехватчик была установлена на мобильной платформе и готова к запуску. Цель — спутник «Рассвет-1», находившийся на высоте 720 километров.

Дэвид немедленно включил канал связи со станцией. На этот раз связь была лучше, и он услышал голос Алексея Соколова:

— «Рассвет-2» на связи. Что случилось, Дэвид?

— Алекс, у нас плохие новости. Украинцы готовят удар по «Рассвету-1». Возможно, в ближайшие часы. Будьте готовы к манёврам уклонения. Возможны перебои со связью.

— Принято. Мы уже заметили странный объект на орбите. Возможно, это обломок.

Дэвид почувствовал, как сердце упало:

— Обломок? Вы уверены?

— Да. Он прошёл в восьмистах метрах от станции. Мы перехватили обрывок военной передачи. Кто-то уже сбил спутник.

Дэвид закрыл глаза. Значит, всё уже началось.

— Держитесь, — сказал он. — Я постараюсь передать вам больше информации.

— Спасибо, Дэвид. Мы на связи.

Экран погас. Дэвид откинулся на спинку кресла и потёр лицо. Вокруг него кипела работа: операторы вводили команды, связисты пытались восстановить каналы, военные отдавали приказы. Но всё это казалось бессмысленным в свете того, что происходило наверху.

В 16:00 поступил приказ от военного командования: «В случае удара по нашим спутникам ответить адекватно». Дэвид знал, что это означает: Россия нанесёт ответный удар по украинскому спутнику. И это только усугубит ситуацию.

В 18:20 вечера, когда уже стемнело, в ЦУПе прозвучал сигнал тревоги. С внешних постов наблюдения сообщили о старте баллистической ракеты с территории Украины. Траектория указывала на орбиту «Рассвета-1».

Дэвид вскочил и бросился к своему пульту. На экране отображалась телеметрия станции. Алексей, Алиса и Майкл уже знали о запуске — Дэвид успел передать им предупреждение. Теперь они маневрировали, уклоняясь от возможных обломков.

— Ракета вышла на расчётную траекторию, — доложил оператор. — Время до цели — три минуты.

Дэвид смотрел на карту, где красная точка ракеты неумолимо приближалась к зелёной точке спутника. Всё происходило как в замедленной съёмке.

— Цель захвачена, — раздался голос.

— Попадание! — крикнул кто-то.

Дэвид не видел взрыва, но через несколько секунд на экране исчезла зелёная точка «Рассвет-1». Вместо неё появились десятки мелких красных точек — обломков, разлетающихся в разные стороны.

— Спутник уничтожен, — доложил оператор с дрожью в голосе.

В зале наступила тишина. Дэвид смотрел на экран, не в силах отвести взгляд. Это был конец. Конец орбитальной группировки, конец космической эры, конец старого мира.

Через несколько минут пришёл приказ: «Ответный удар разрешён». Дэвид не слышал, как отдавались команды, но знал, что где-то в Сибири стартовала ракета, нацеленная на украинский спутник. Он не хотел этого, но ничего не мог изменить.

В 18:45 российская ракета поразила украинский спутник связи. Обломки двух аппаратов начали сталкиваться с другими, порождая новые фрагменты. Цепная реакция запустилась.

Дэвид попытался связаться со станцией, но канал был забит помехами. Он повторял вызов снова и снова, но в ответ слышал только тишину.

— «Рассвет-2», ответьте! — кричал он в микрофон. — Алекс! Алиса! Майкл!

Никто не ответил.

Дэвид уронил голову на руки. Он знал, что экипаж в опасности, что орбита превращается в минное поле, что Земля скоро погрузится в хаос. Но в этот момент он чувствовал только одно — бесконечное одиночество перед лицом катастрофы.

Сзади подошёл Тарасов и положил руку ему на плечо.

— Они живы, — тихо сказал он. — Я видел телеметрию. Станция цела. Они просто не могут выйти на связь.

Дэвид поднял голову:

— Надолго ли?

Тарасов не ответил. Он смотрел на экраны, где множились красные точки, и молчал.

В этот момент Дэвид понял, что их жизнь уже никогда не будет прежней.

Глава 3. Орбита. Первый удар

Международная орбитальная станция «Рассвет-2», 15:20 UTC (18:20 по московскому времени)

Тот обломок, что утром пронёсся в опасной близости от станции, теперь казался дурным предзнаменованием. Он был первым, но далеко не последним. Алексей Соколов стоял у главного иллюминатора центрального модуля, пристегнувшись ремнём к поручню, и всматривался в ледяную черноту космоса. Его пальцы сжимали холодный металл с такой силой, что на коже проступили белые пятна. В отражении стекла он видел собственное лицо — сосредоточенное, с плотно сжатыми губами. За годы тренировок он научился прятать страх, но сейчас, в этом безмолвном аду, начинающем разворачиваться за бортом, даже его выдержка давала трещины.

Алиса Шевченко сидела за пультом связи, склонившись над панелью. Её тонкие пальцы порхали по клавишам, перебирая частоты, фильтры, модуляции. В динамиках потрескивало, шипело, иногда прорывались обрывки каких-то сигналов — далёкие, неразборчивые, похожие на стоны умирающего эфира. Она то и дело откидывала со лба непослушную прядь и снова склонялась к экрану, где бежали колонки цифр и графиков.

Майкл О’Брайен работал с навигационным компьютером. Его рыжие волосы были взъерошены, а лицо приобрело землистый оттенок — признак глубокого внутреннего напряжения. Он то и дело потирал переносицу, словно пытаясь выдавить из мозга лишние мысли. Его программа прогнозирования орбитального мусора, которую он с гордостью демонстрировал утром, теперь работала на пределе возможностей, обсчитывая сотни траекторий в реальном времени.

Напряжение висело в воздухе, как густой туман. Каждый из них понимал, что происходит нечто необратимое. Утренний перехват военной радиопередачи — «ракета вышла на траекторию... цель — „Рассвет-1“» — стал точкой отсчёта. После этого связь с Землёй исчезла, а эфир наполнился хаосом.

— Что-то не так, — тихо произнесла Алиса, не отрываясь от панели. — Все каналы молчат. Даже аварийный маяк не отвечает.

— Продолжай пробовать, — отозвался Алексей, не оборачиваясь. — Возможно, помехи временные.

— Или кто-то специально глушит, — мрачно добавил Майкл. — Я бы на их месте так и сделал. Перед ударом всегда глушат связь.

Алексей промолчал. Он не хотел спорить, но в глубине души понимал, что американец, скорее всего, прав. Если на Земле началась война, то космос стал одной из главных арен. А станция, висят на высоте семисот восьмидесяти километров, превратилась в заложницу. Они были не просто наблюдателями — они оказались в эпицентре, в ловушке, из которой не было выхода.

— Связь стабильна, — доложила Алиса. — Но внизу что-то нервничают. Передают кучу кодированных сообщений.

— Обычная предстартовая суeta, — отозвался Соколов, не отрываясь от планшета. — Готовятся к запуску нового спутника.

О«Брайен хмыкнул:

— Или к чему-то другому. Я слышал, украинцы грозились сбивать российские спутники «Рассвет».

Алиса напряглась, но промолчала. Соколов бросил на неё короткий взгляд.

— Политика нас не касается. Мы здесь ради науки.

Он не успел договорить. Внезапно станция вздрогнула — не от столкновения, а от чего-то далёкого, но мощного. Сработала аварийная сигнализация. На мониторах замигали красные индикаторы.

— Что за чёрт? — О'Брайен оттолкнулся от стены и подлетел к главному пульту.

Алиса уже включила внешние камеры. На экране, в нескольких сотнях километров от станции, расцветал огненный шар — беззвучный, но ослепительно яркий. Это был спутник «Рассвет-1», один из первых аппаратов орбитальной группировки. Его уничтожили.

— Ракета? — прошептала Алиса. — Они сделали это...

Соколов почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Всем в скафандры? — О'Брайен уже тянулся к аварийному шкафу.

— Рано, — резко ответил командир. — Сначала связь с Землёй. Алиса, дай мне канал.

Но ЦУП молчал. Вместо привычного голоса оператора в эфире стоял треск помех. Затем прорвался искажённый голос Дэвида Кима, наземного координатора:

— «Рассвет-2», срочно! Зафиксирован запуск противоспутниковой ракеты. Повторяю, зафиксирован запуск. Вам необходимо начать манёвр уклонения. Координаты обломков передаю...

Экран заполнился цифрами. Соколов быстро ввёл данные в навигационный компьютер.

— Майкл, к двигателям. Алиса, закрепи оборудование.

Он не успел закончить. Второй взрыв — на этот раз ближе. Станция снова содрогнулась. В иллюминаторе Соколов увидел, как от обломков разлетаются сотни мелких фрагментов, сверкающих в солнечном свете, словно рой смертоносных осколков.

Алексей сжал поручень так, что побелели костяшки. Он ожидал этого, но всё равно не был готов. Первый удар. Начало. Начало конца, хотя тогда он ещё не осознавал масштаба.

— Обломки! — Алиса уже вводила данные в компьютер, и на экране разворачивалась трёхмерная картина. — Расчёт траектории! Некоторые фрагменты движутся в нашу сторону!

— Все к пульту! — скомандовал Алексей, оттолкнувшись от иллюминатора. — Работаем по протоколу «Буря»!

Они заняли свои места. Майкл включил программу прогнозирования, и на центральном экране отобразилась объёмная модель: орбита станции, точка взрыва и веер красных линий — траектории обломков, разлетающихся с ужасающей скоростью. Каждая линия была похожа на раскалённую нить, прочерчивающую космическую пустоту. Их было уже больше сотни, и количество продолжало расти.

— Плотность потока высокая, — доложил Майкл. — Часть фрагментов пройдёт в опасной близости от нас в течение ближайших двадцати минут.

— Есть ли среди них те, что могут попасть в станцию? — спросил Алексей.

— Прогноз не точный. Скорости очень высокие, но некоторые из них могут изменить траекторию после столкновений друг с другом. Я бы рекомендовал маневрировать.

Алексей посмотрел на навигационный дисплей. Станция обладала системой двигателей ориентации, но они были рассчитаны на медленные коррекции орбиты, а не на экстренные манёвры уклонения от высокоскоростных осколков. Тем не менее, выбора не было. Оставалось только использовать то, что имелось.

— Готовимся к изменению орбиты, — приказал он. — Алиса, включи главный двигатель. Майкл, рассчитай параметры манёвра.

— Есть

Алиса быстро ввела команды. На пульте загорелись индикаторы. Где-то в недрах станции загудели насосы, подающие топливо в двигательную установку. Лёгкая вибрация пробежала по корпусу, словно станция ожила.

— Главный двигатель готов к запуску, — доложила она.

— Майкл, данные?

— Предлагаю поднять орбиту на двадцать километров. Это уведёт нас из основной зоны разлёта обломков. Продолжительность работы двигателя — сорок секунд.

— Принято. Алиса, запуск.

Алиса нажала кнопку. Станция вздрогнула — мягко, но ощутимо. Алексей почувствовал, как невесомость на мгновение сменилась лёгким ускорением, прижимающим его к спинке кресла. В иллюминаторе звёзды поплыли в сторону, и на секунду показалось, что сама Вселенная накренилась.

— Двигатель работает, — доложила Алиса.

— Высота растёт, — подтвердил Майкл. — 780... 785... 790...

Алексей следил за приборами. Всё шло штатно. Через сорок секунд двигатель отключился, и снова наступила невесомость. Тело обмякло в кресле, и он почувствовал, как сердце стучит чаще обычного.

— Манёвр завершён. Новая высота — восемьсот километров.

— Отлично. Теперь посмотрим, что будет дальше.

Они перевели дух. Но облегчение было недолгим. Через несколько минут на экране внешних камер снова появились вспышки. На этот раз больше и ближе.

— Это ещё один спутник, — прошептала Алиса. — Они сбили ещё один.

— Какой? — спросил Алексей.

Майкл сверился с картой.

— Похоже, это украинский спутник связи. Российский ответ.

— Боже, — выдохнул Алексей. — Они начали войну на орбите.

— И мы в самом её эпицентре, — добавил Майкл.

В динамиках внезапно раздался скрежет, затем прорвался искажённый голос Дэвида Харта:

— «Рассвет-2»! Ответьте! Вы меня слышите?

Алексей рванулся к микрофону:

— Дэвид! Мы здесь! Слышим тебя плохо!

— Слава богу, вы живы. Обстановка критическая. Началась цепная реакция. Обломки повсюду. Вам нужно продержаться, мы попытаемся что-то предпринять.

— Что происходит на Земле?

— Полный хаос. Украина сбила «Рассвет-1», мы ответили ударом по их спутнику. Теперь обломки сталкиваются с другими аппаратами. Каскад набирает силу.

— Мы уже подняли орбиту на двадцать километров. Но как долго сможем уклоняться?

— Не знаю. Держитесь. Я буду пытаться передавать вам данные об обломках. Связь нестабильна, но я постараюсь.

— Дэвид, что с нашими семьями? — неожиданно спросила Алиса.

Пауза. Затем голос Дэвида, тише:

— Я не знаю. Связь с городами частично нарушена. Но вы должны верить в лучшее.

Алиса опустила голову. Алексей положил руку ей на плечо.

— Мы справимся, — сказал он. — Все вместе.

Связь снова прервалась, но на этот раз они хотя бы знали, что на Земле о них помнят.

— —

Прошло ещё полчаса. Станция продолжала лететь в облаке обломков. Пока что им везло: ни один фрагмент не попал в корпус. Но напряжение нарастало с каждой минутой. Каждый раз, когда на экране появлялась новая красная точка, сердца сжимались.

Майкл не отходил от навигационного компьютера. Его пальцы летали по клавиатуре, вводя команды, пересчитывая траектории. Он то и дело бросал взгляд на часы, словно пытался предугадать, когда невидимая смерть подберётся слишком близко.

— Следующий поток обломков через двенадцать минут, — сообщил он. — Плотность выше. Нужно снова маневрировать.

— Насколько выше? — спросил Алексей.

— Вероятность столкновения около пятнадцати процентов.

— Это много.

— Да. Поэтому нужно уходить.

Алиса уже готовила двигатели. Они снова провели манёвр, на этот раз изменив наклонение орбиты. Станция повернула, уходя из плоскости разлёта. Обломки пролетели мимо, но один из них прошёл настолько близко, что они услышали характерный свист через корпус — вибрация, передававшаяся по металлу.

— Что это было? — испуганно спросила Алиса.

— Пролетел рядом, — ответил Майкл. — Повезло.

Алексей посмотрел на индикатор целостности корпуса. Внешняя обшивка получила несколько микротрещин, но разгерметизации не было. Он выдохнул.

— Нужно проверить состояние станции, — сказал он. — Алиса, останься на пульте. Майкл, пойдём осмотрим модули.

Они проплыли по станции, проверяя каждое помещение на предмет повреждений. В лабораторном модуле «Наука-1» одно из окон покрылось паутиной мелких трещин — по-видимому, от удара крошечного осколка. Стекло было многослойным и выдержало, но это было предупреждение.

— Нужно заклеить трещины специальной плёнкой, — сказал Майкл.

— Позже. Сначала убедимся, что нет утечек.

Они проверили давление в модулях. Пока всё держалось. Но это был лишь вопрос времени.

Вернувшись в центральный модуль, они снова попытались связаться с Землёй. На этот раз удалось поймать слабый сигнал ЦУПа. Дэвид Харт говорил быстро, сбивчиво, но они разобрали главное: на орбите уже более тысячи крупных обломков, и их число растёт. Начались столкновения с другими спутниками, в том числе с теми, что обеспечивают связь и навигацию. Земля постепенно теряет орбитальную инфраструктуру.

— Что будет дальше? — спросил Алексей.

— Я не знаю, — честно ответил Дэвид. — Но мы пытаемся запустить аварийный протокол. Возможно, удастся поднять к вам спасательный корабль.

— Но это же безумие — запускать ракету в такое облако обломков!

— Другого выхода нет. Иначе вы погибнете.

Алексей промолчал. Он понимал, что шансы на спасение ничтожны. Но сдаваться не собирался.

— Мы будем держаться, — сказал он. — А ты делай, что должен.

Связь снова прервалась.

— —

Вечер на станции превратился в бесконечную борьбу за выживание. Они маневрировали, уклонялись, проверяли системы, пытались восстановить связь. Усталость накапливалась, но никто не жаловался. Все понимали: от их собранности зависит жизнь.

К ночи (по земному времени) наступило затишье. Поток обломков временно ослаб, и они смогли немного передохнуть. Алексей разрешил Алисе и Майклу поспать по очереди, а сам остался дежурить.

Он сидел в кресле, глядя на тёмный иллюминатор. Звёзды мерцали холодным светом. Земля внизу была окутана облаками, но теперь она казалась другой — тревожной, раненой. Алексей вспомнил жену и дочь. Где они? Что с ними? Он не знал, увидит ли их когда-нибудь.

В тишине он услышал, как позади тихо подплыла Алиса.

— Не спится? — спросил он.

— Нет. Слишком много мыслей.

Она остановилась рядом, глядя в тот же иллюминатор.

— Знаешь, о чём я думаю? — произнесла она. — О том, что мы, наверное, последние люди, которые видят этот мир сверху. Если каскад продолжится, орбита станет непригодной. И никто больше не поднимется сюда.

Алексей помолчал

— Возможно. Но мы ещё живы. И пока живы, должны делать своё дело.

— Какое? Выращивать кристаллы?

— Если понадобится — да. Наука не останавливается.

Алиса слабо улыбнулась:

— Ты не исправим.

— Стараюсь.

Они замолчали. В отдалении, на краю видимости, снова что-то вспыхнуло. Ещё одно столкновение. Ещё один спутник превратился в облако обломков.

Алексей почувствовал, как внутри нарастает холод. Это был не страх, а осознание масштаба. Они стали свидетелями конца эпохи. И, возможно, конца цивилизации.

— Иди спать, — тихо сказал он Алисе. — Завтра будет тяжёлый день.

Она кивнула и уплыла в свой спальный отсек. Алексей остался один. Он смотрел на гибнущую орбиту и думал о том, что будет дальше. Он не знал ответа, но знал одно: пока он командир, он сделает всё, чтобы спасти экипаж.

Глава 4. Разгерметизация

Международная орбитальная станция «Рассвет-2», 03:40 UTC (06:40 по московскому времени)

Алексей не спал. Он сидел в командирском кресле, пристегнувшись ремнями, и смотрел в иллюминатор. За стеклом, отделявшим его от бесконечной пустоты, медленно вращалась Земля. Она была всё так же прекрасна — голубые океаны, белые массивы облаков, тёмные пятна континентов. Но теперь Алексей не мог смотреть на неё без содрогания. Там, внизу, люди убивали друг друга. А здесь, наверху, результат их безумия уже начинал пожирать первые жертвы.

Прошло чуть больше двенадцати часов с того момента, как украинская ракета уничтожила спутник «Рассвет-1». За это время экипаж совершил три манёвра уклонения, пережил несколько волн обломков и потерял связь с ЦУПом на долгие часы. Но самое страшное было не в этом. Самое страшное было в том, что каскад, запущенный первым ударом, набирал силу.

Алексей видел это собственными глазами. В течение ночи в иллюминаторе то и дело вспыхивали далёкие огоньки — столкновения обломков с другими спутниками. Каждая вспышка означала появление сотен новых фрагментов, которые, в свою очередь, угрожали другим аппаратам. Цепная реакция, о которой десятилетиями предупреждали учёные, стала реальностью.

Он перевёл взгляд на панель управления. Индикаторы систем жизнеобеспечения горели ровным зелёным светом. Кислород, давление, температура — всё в норме. Но это было обманчивое спокойствие. Алексей знал: один-единственный удар достаточно крупного обломка — и станция превратится в братскую могилу.

Он подумал о жене. Ольга, наверное, сейчас спит, не подозревая о том, что её муж находится на волосок от гибели. Или не спит — если новости о космической катастрофе уже разлетелись по миру. Он представил её лицо, заплаканное, испуганное, и почувствовал острую боль в груди. Он должен вернуться. Ради неё. Ради дочери. Ради всего, что они построили.

Но как? Спасательный корабль не мог стартовать — запуск в облако обломков был равносителен самоубийству. А оставаться на станции означало ждать, пока какой-нибудь осколок пробьёт корпус. Положение было отчаянным.

Алексей тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли. Он был командиром. Его долг — сохранить экипаж, а не поддаваться панике. Пока они живы, есть надежда.

В наушниках раздался тихий щелчок. Алексей насторожился. Он нажал кнопку связи и произнёс:

— «Рассвет-2» на связи. Кто вызывает?

Вместо ответа — треск помех. Затем сквозь шум пробился искажённый, но узнаваемый голос:

— Алексей! Это Дэвид. Ты меня слышишь?

— Дэвид! Слышу тебя плохо, но да! Что происходит?

— Ситуация ухудшается. Каскад набирает силу. Мы фиксируем рост обломков в вашем секторе. Вам нужно срочно маневрировать!

Алексей взглянул на навигационный дисплей. Программа Майкла, работавшая в фоновом режиме, уже подавала сигнал тревоги: красная зона неумолимо приближалась.

— Мы видим, — ответил он. — Сейчас поднимем экипаж.

— Будьте осторожны. Мы попробуем дать вам уточнённые данные через несколько минут. Держитесь!

— Принято

Связь снова оборвалась. Алексей нажал кнопку аварийной тревоги. По станции разнёсся резкий, прерывистый сигнал, выдернувший Алису и Майкла из сна.

Через несколько секунд в проёме появилась Алиса. Она была в лёгком комбинезоне, волосы растрёпаны, лицо бледное.

— Что случилось? — спросила она, с трудом подавляя зевок.

— Приближается поток обломков. Нужно срочно маневрировать. Где Майкл?

— Иду! — раздался голос из соседнего модуля. Майкл вплыл в центральный пост, на ходу натягивая футболку. Его лицо было помятым, но глаза уже горели азартом — так бывало всегда, когда требовалось решать сложную задачу.

— Расчёт траектории? — спросил Алексей.

— Сейчас

Майкл подлетел к навигационному компьютеру и быстро ввёл команды. На экране отобразилась объёмная карта: станция, поток обломков, возможные варианты манёвра.

— Плотный поток, — доложил он. — Идёт с нижней полусферы. Рекомендую поднять орбиту ещё на пятнадцать километров и изменить наклонение на два градуса.

— Времени мало, — заметил Алексей. — Успеем?

— Двигатели уже прогреты. Если запустим сейчас, успеем.

— Алиса, запускай

Алиса уже была на своём месте. Она быстро проверила показатели и нажала кнопку. Станция вздрогнула, и в иллюминаторе снова поплыли звёзды.

— Высота растёт, — докладывал Майкл. — 800... 810... 815...

Алексей следил за приборами. Всё шло штатно, но он не позволял себе расслабиться. Каждый манёвр был игрой в рулетку: никогда не знаешь, не окажется ли на новой орбите ещё более плотное облако обломков.

— Манёвр завершён, — объявила Алиса. — Новая высота — восемьсот пятнадцать километров.

— Отлично. Теперь смотрим.

Прошло несколько минут. Поток обломков прошёл мимо, но на этот раз они были готовы. Один фрагмент, размером с горошину, пролетел на расстоянии всего трёхсот метров от станции. Слишком близко, чтобы чувствовать себя в безопасности.

— Ещё один, — тихо произнесла Алиса, указывая на экран. — Слева сверху.

Алексей повернулся. На внешней камере было видно, как маленькая точка несётся прямо на них. Времени на манёвр не было.

— Всем держаться! — крикнул он.

Удар был быстрым и резким. Станция содрогнулась, словно кто-то ударил по ней гигантским молотом. Погас свет, затем аварийное освещение вспыхнуло красным. Завыла сирена.

Алексей с трудом удержался в кресле. В ушах стоял звон. Он потряс головой, пытаясь прийти в себя.

— Доклад! — рявкнул он.

— Разгерметизация! — выкрикнула Алиса, вглядываясь в панель. — Модуль «Заря-2»! Давление падает!

Алексей почувствовал, как сердце ухнуло вниз. «Заря-2» — это был один из технических отсеков, где хранились запасы воды и часть оборудования. Потеря этого модуля не была фатальной, но разгерметизация могла распространиться.

— Изолировать отсек! — приказал он. — Майкл, закрой аварийные люки!

Майкл уже действовал. Его пальцы летали по клавиатуре, отправляя команды на автоматические переборки. С гулким стуком люки начали закрываться, отсекая повреждённый модуль от остальной станции.

— Люки закрыты! — доложил он через несколько секунд. — Давление стабилизируется.

Алексей выдохнул. Он отстегнулся и подплыл к иллюминатору. В направлении «Зари-2» он увидел, как из пробоины в корпусе вырывается струя воздуха, мгновенно превращающаяся в ледяные кристаллы. Это было похоже на дыхание умирающего существа.

— Проклятье, — прошептал он. — Мы потеряли модуль.

— Но мы живы, — тихо ответила Алиса.

— Пока да. Но это только начало.

— —

Центр управления полётами, Москва. 07:00 по московскому времени

Дэвид Харт не спал уже больше суток. Он сидел за своим пультом, подперев голову руками, и смотрел на экраны, где отображалась текущая орбитальная обстановка. Картина была удручающей: сотни красных точек — обломков — медленно расползались по орбите, сталкиваясь с действующими спутниками и порождая новые фрагменты.

Каскад набирал силу. То, что началось как точечный удар по одному аппарату, превратилось в неуправляемую цепную реакцию. Спутники гибли один за другим, и остановить этот процесс было невозможно.

Дэвид поднял голову и оглядел зал. Вокруг царил паника. Операторы метались между пультами, пытаясь поддерживать связь с уцелевшими аппаратами. Военные спорили с инженерами, политики требовали отчётов. Всё это напоминало муравейник, разорённый палкой.

Он нажал кнопку вызова начальника смены. На экране появилось лицо Сергея Тарасова — бледное, с глубокими тенями под глазами.

— Тарасов, что у нас? — спросил Дэвид.

— Плохо. Очень плохо. Только что потеряли ещё два спутника. Навигационный и связной. Теперь у нас осталось меньше половины орбитальной группировки.

— А станция?

— «Рассвет-2» держится. Несколько минут назад они доложили о разгерметизации модуля «Заря-2». Сейчас изолировали отсек. Экипаж жив.

Дэвид облегчённо вздохнул:

— Слава богу.

— Но это ненадолго, — мрачно добавил Тарасов. — Обломков всё больше. Рано или поздно один из них попадёт в станцию.

— Что с нашими планами по спасению?

— Спасательный корабль готов, но запустить его невозможно. Вся нижняя орбита забита мусором. Ракета не пробьётся.

Дэвид сжал кулаки. Он знал, что так будет, но всё равно не мог смириться.

— А если поднять корабль с другого космодрома? — спросил он.

— Откуда? Куру? Восточный? Байконур? Везде одно и то же: облако обломков слишком плотное. К тому же теперь у нас проблемы с системами управления. Мы теряем связь с наземными станциями.

— Значит, экипаж обречён?

Тарасов помолчал, потом тихо ответил:

— Похоже на то.

Дэвид откинулся на спинку кресла. Внутри у него всё сжалось. Он думал об Алексее, Алисе, Майкле — о людях, которые доверили ему свои жизни. И теперь он не мог ничего сделать.

— Я не сдаюсь, — сказал он, больше для себя, чем для собеседника. — Мы что-нибудь придумаем.

— Надеюсь, — вздохнул Тарасов и отключился.

Дэвид снова посмотрел на экран. Красные точки множились, словно вирус, пожирающий орбиту. Он знал, что это только начало. Впереди — долгие недели и месяцы борьбы за выживание. И единственное, что он мог сделать, — продолжать работать.

Он нажал кнопку связи.

— «Рассвет-2», ответьте! Это ЦУП. Как слышно?

Через несколько секунд сквозь помехи пробился голос Алексея:

— Слышу тебя, Дэвид. С трудом, но слышу.

— Доложите обстановку

— Модуль «Заря-2» разгерметизирован, изолирован. Остальные системы в норме. Экипаж жив.

— Отлично. Держитесь. Мы работаем над вариантами спасения.

— Принято. Дэвид, что с нашими семьями? Есть какая-то информация?

Дэвид замялся. Он не хотел врать, но и правда была слишком горькой.

— Связь с городами нестабильна. Но я постараюсь узнать. Обещаю.

— Спасибо

Связь прервалась. Дэвид уставился на пульт. Он знал, что семьи экипажа, скорее всего, уже в панике. Но сейчас у него не было возможности их успокоить.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом серело утро. Москва просыпалась, не подозревая о том, что мир уже изменился. Но скоро это станет очевидно всем.

— —

Вернувшись к пульту, Дэвид решил связаться с женой. Он достал телефон и набрал номер. Гудки шли долго, но потом ответил сонный голос:

— Дэвид? Что случилось? Который час?

— Элен, послушай меня. Ситуация очень серьёзная. Ты должна собрать детей и уехать из города.

— Что? О чём ты?

— Я не могу объяснить по телефону. Но поверь: скоро начнётся хаос. Уезжай в деревню к твоим родителям. Там безопаснее.

— Дэвид, ты меня пугаешь.

— Просто сделай это. Я люблю тебя.

Он сбросил вызов, не дожидаясь ответа. Сердце колотилось. Он знал, что поступает жестоко, но по-другому было нельзя. Скоро всё изменится, и те, кто останется в городах, окажутся в ловушке.

Дэвид вернулся к работе. На экране появилось новое сообщение от отдела баллистики: «Прогноз: через 24 часа количество обломков достигнет критической плотности. Рекомендуется прекратить все орбитальные операции».

Он переслал сообщение начальству, но не получил ответа. Все были заняты. Или просто не хотели признавать очевидное.

Через несколько часов пришло сообщение из министерства: «Ввести режим радиомолчания. Все каналы связи с орбитальными аппаратами перевести на аварийные частоты. Экипажу станции действовать по инструкции автономного выживания».

Дэвид прочитал и почувствовал, как внутри всё похолодело. Режим радиомолчания означал, что они больше не смогут передавать экипажу никакой информации. И что спасение отменяется.

Он пытался возражать, но его никто не слушал. Приказы есть приказы.

В 12:00 по московскому времени связь со станцией была официально прекращена. Дэвид сидел за пультом, глядя на мёртвый экран, и чувствовал, как мир рушится.

Глава 5. Каскад

Международная орбитальная станция «Рассвет-2», 09:15 UTC (12:15 по московскому времени)

Тишина на станции стала осязаемой. Раньше она была естественным фоном — привычным безмолвием космоса, нарушаемым лишь гулом вентиляторов и редкими щелчками автоматики. Теперь же она давила, словно плотная завеса, отделявшая троих людей от остального мира. После того как связь с ЦУПом окончательно оборвалась, каждый звук, каждый шорох приобрёл особое значение.

Алексей Соколов проснулся после короткого, беспокойного сна. Он спал не раздеваясь, прямо в кресле, пристегнувшись ремнями. Тело затекло, голова была тяжёлой, как после долгого перелёта. Он потёр глаза, размял шею и огляделся. Алиса сидела за пультом, безучастно глядя на экран, где по-прежнему не было ни одного сигнала. Майкл, склонившись над навигационным компьютером, что-то бормотал себе под нос, периодически встряхивая головой, словно отгоняя сон.

— Долго я спал? — спросил Алексей хриплым голосом.

— Около трёх часов, — не оборачиваясь, ответила Алиса. — Я разбудила бы тебя раньше, но не было смысла. Всё тихо.

— Слишком тихо, — добавил Майкл, не отрываясь от работы. — Связь мертва. Даже аварийные маяки не проходят. Как будто мы одни во Вселенной.

Алексей отстегнулся и подплыл к иллюминатору. Земля всё так же медленно вращалась внизу, но теперь он заметил нечто новое: в верхних слоях атмосферы, над ночной стороной планеты, появились странные серебристые полосы, похожие на тонкую паутину. Это были следы входа в атмосферу многочисленных обломков, сгоравших плотным потоком.

— Ты видел? — спросил он, указывая вниз.

Майкл оторвался от компьютера и подплыл ближе.

— Да, я заметил. Часть обломков уже начала деградировать. Их орбиты снижаются, и они сгорают. Но это капля в море. Основная масса останется наверху на годы.

— Значит, дождь из огня? — тихо произнесла Алиса. — Это же красиво... и страшно.

— Это погребальный костёр нашей цивилизации, — мрачно отозвался Майкл.

Алексей не ответил. Он знал, что американец склонен к резким суждениям, но сейчас его слова звучали пророчески.

Они провели ещё несколько часов в тщетных попытках восстановить связь. Алиса перепробовала все доступные частоты, включая запасные каналы, о существовании которых знали только специалисты её уровня. Майкл запустил диагностику антенн и обнаружил, что основ-

ная антенна дальней связи повреждена — вероятно, тем же ударом, что разгерметизировал «Зарю-2». Осталась только резервная, узконаправленная, которая требовала точного наведения на наземные станции.

— Если бы мы знали, где находятся наземные станции, мы могли бы попробовать, — сказал он. — Но без телеметрии с Земли это как стрелять вслепую.

— А как насчёт спутников-ретрансляторов? — спросил Алексей.

— Они тоже гибнут, — ответил Майкл, показывая на экран. — Я отслеживаю их сигналы. За последние шесть часов исчезли три из четырёх. Остался один, но и он, судя по телеметрии, повреждён.

— Попробуй связаться через него.

— Пробовал. Нет ответа.

Алексей вздохнул. Ситуация ухудшалась с каждым часом. Они были отрезаны от мира, и единственное, что оставалось, — ждать и надеяться на чудо. Но он не привык ждать. Он привык действовать.

— Хорошо. Тогда будем работать с тем, что есть. Алиса, проверь запасы ресурсов. Майкл, продолжай отслеживать обломки. Если увидишь опасное сближение, немедленно докладывай.

— Есть

Экипаж приступил к работе. Алексей отправился в модуль «Гармония», чтобы лично осмотреть повреждения, полученные в результате удара. Переход был затруднён: часть люков пришлось открывать вручную, так как автоматика дала сбой. В воздухе пахло гарью — где-то перегрелся кабель.

Он проплыл мимо научного оборудования, закреплённого вдоль стен. Всё было цело, но на одной из панелей он заметил трещину, расходящуюся от точки удара. По-видимому, осколок пробил внешнюю обшивку именно здесь, но не прошёл насквозь. Однако ударная волна вызвала вибрацию, которая и привела к разгерметизации «Зари-2».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.